

Теннадій Тарасов

Голос

повість

Геннадий Тарасов

Голос. Повесть

«Издательские решения»

Тарасов Г.

Голос. Повесть / Г. Тарасов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907616-8

Повесть о том, что в любой жизненной ситуации не стоит сдаваться и опускать руки. А вот что действительно следует делать, так это верить в себя, в свою мечту и стоять на своем до конца. И все тогда обязательно сбудется...

ISBN 978-5-44-907616-8

© Тарасов Г.
© Издательские решения

Голос Повесть

Геннадий Тарасов

© Геннадий Тарасов, 2018

ISBN 978-5-4490-7616-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лордиз курила травку.

Это было отвратительно. Курения и всяких таких дел должна избегать каждая добропорядочная девочка, беда в том, что себя она никак не могла считать добропорядочной. Где она, а где эта чертова добропорядочность.. В будущем, безусловно, она соберется с силами и совладеет со своими слабостями, но пока...

«Ах, – жалела она себя, – я так слаба...»

«Я же не в затяжку...» – думала она, и – лукавила.

Сладкий голубоватый туман наполнял комнату, кружил голову, колыхал тонкую кисею завесы над иной реальностью, такой манящей и зовущей, но, обманывая надежды и ожидания, облегчения не приносил.

Она подносила сигаретку левой рукой к углу рта, затягивалась, уголек возбуждался от дополнительной дозы кислорода и шел в атаку на косячок. Тот в ответ пыхал свежей струйкой дыма, который сразу начинал есть глаз. Тогда она, отстраняясь, склоняла голову к правому плечу. Дым оставлял в покое глаз и, пройдя сквозь серебряное колечко пирсинга, пронзавшего левую бровь у виска, легким перышком оглаживал, оживляя, голубые завитки татушки на ее выбритой голове. Узор начинался у основания тяжелой косы, прикрепленной к затылку непонятным образом, далее он струился по левой стороне черепа до виска, затем, извернувшись, по краю ушной раковины опускался вниз и по шее нырял куда-то за ворот черной футболки с изображением Оззи, Великого и Ужасного.

Курение травки, честно говоря, не было самым серьезным ее пороком, да и курила она крайне редко, почти никогда. При желании и подходящем настроении, она могла бы много чего о себе порассказать, но сейчас все это не имело совершенно никакого значения.

Значение в данный момент имело только то, что Фил пропал. То есть не то чтобы пропал, скорей исчез... Наверное, можно было бы сказать, что он покончил с собой, но поскольку тела так и не нашли, то – пропал. Пока пропал... Но все это было лишено всяческого смысла, потому что ни пропасть, ни тем более покончить с собой Фил просто не мог. Не такой он человек, чтобы учудить подобное, не те наклонности, не тот характер. Да и мыслей таких у него отродясь не водилось, уж она-то все его мыслишки наперечет знает... По крайней мере, так ей казалось. И чем больше она обо всем этом думала, тем тупей становилась ее собственная голова и отказывалась соображать начисто. Как тут было не закурить?

Пакетик со смесью Лордиз стащила у Филя с полгода назад, и с тех пор курила ее всего-то раза два, не больше. Только по особым случаям. Что то были за случаи – теперь уже не припомнить, да и не важно. Ах, нет, важно. Как раз через неделю после того пропала ее младшая сестра Соня, как вот теперь Фил, тогда-то она впервые и закурила. Там у Филя было много таких пакетиков, он не должен был заметить пропажу одного. Да и мало ли, куда он – маленький, как пакетик с чаем – мог запропасться? Он и не заметил, во всяком случае, ее ни о чем не спрашивал. Откуда у Филя марихуана, она спрашивать не рискнула, да и не ее это дело. Сам если и курит, то не злоупотребляет – и то хорошо, все остальное – его мужские дела, в кото-

рые она вникать не собиралась. Мало ли какие у мужчины могут быть дела, правда? На то он и мужчина, от слова муж. Но вот то, что случилось минувшей ночью, было тоже крайне странно. И важно для нее, для ее будущей жизни. И потому она снова закурила.

Надо было успокоиться, собраться с мыслями, она думала, что травка поможет, но получалось не очень.

Накануне концерт в «Короне» закончился далеко за полночь. Отыграли хорошо, на подъеме, публика визжала от восторга, всегда бы так, и долго не хотела отпускать. Сразу после выступления Фил взял ее мотоцикл и укатил в неизвестном направлении. Она сама и привезла его в клуб, потому что свою машину он пару дней как отдал в ремонт. Как обычно в таких случаях, он ничего не объяснил, куда и на сколько, и спрашивать его об этом было бесполезно. Как-то, в начале их отношений, она пыталась о чем-то его расспрашивать. Но он в первый же раз резко пресек все ее попытки поиграть в следователя и так на нее посмотрел при этом, что больше она его никогда ни о чем не спрашивала. В смысле – о важном, о том, куда он пропадает и чем он там, куда пропадает, занимается. Только бытовые вопросы, не много, не перегружая ими диалоги, которые, к слову, тоже бывали довольно редки. Словом, не любил Фил особо распространяться, но когда удавалось его разговорить, он оказывался на удивление милейшим человеком. Настоящим душкой. В общем, Лордиз до поры до времени это устраивало. Она могла и дурочкой прикинуться, да, раз уж кому-то так хотелось считать ее таковой, хотя никакой дурочкой она, разумеется, не была.

Домой из «Короны» ее отвез Крабс, барабанщик группы. Классный, надо сказать, барабанщик, прозванный так за манеру сидеть за установкой. Иногда во время работы казалось, что у него не две, а все шесть рук. Можно было, наверное, и Шивой его назвать, но на Шиву он все же не тянул, поэтому – только Крабс.

Про манеру Фила пропадать на целые дни, а то и недели, в группе знали все, поэтому, оценив ситуацию, Крабс попытался было следом за ней проскользнуть в квартиру, а там и в постель ее, но она решительно его отшила. Во-первых, она не из таковых, чтобы с кем попало. Хотя, чем с Крабсом, лучше уж с кем попало. Во-вторых, Фил таких вещей не допускал, и если бы узнал о чем... В общем, это скорей во-первых. А в-третьих, она так устала, что думала лишь об одном: спать.

«Ну и дура, сама знаешь, – сказал ей Крабс. – Он держит тебя на цепи, на которой сам не сидит. И, думаю, таких цепей у него больше одной».

Да все она знала, точнее – подозревала. Потому что иначе – куда он пропадает? Ясно, что есть у него другая... Стерва. Но пока такая жизнь ее устраивала, да и бороться с кем-либо за Фила он не была готова. И сил в себе таких не ощущала, да и не знала, было ли ей это надо. Впрочем, она снова перед собой лукавила... такая она, оказывалось, лукавая... девушка. Она, конечно же, готова бороться за Фила с кем угодно, и боролась бы, и будет бороться серьезно-серьезно. Но, с кем? Покажите! Она не видела рядом с Филом ни одной особы, представлявшей их отношениям хоть какую-то реальную опасность. Ни одной. Фил всегда со всеми был спокоен, холоден и рассудителен. Одно время ей показалось, что в их отношения могла – и попыталась было – вклиниться ее сестра Соня, но Соня куда-то пропала полгода назад, и с тех пор к Филу на опасное расстояние не подбирался никто. Она не знала ни одной, так она и следователю сказала. Но, может быть, она все же такая наивная дурочка, и не замечает того, что творится у нее под носом? Или же обуревали Фила совсем другие страсти, о которых она ни сном, ни духом не подозревала?

Словом, прогнала она обиженного Крабса, содрала с себя влажный и липкий от пота кожаный прикид, и завалилась спать. Да, перед сном еще успела прополоскать саднящее от чрезмерного готического ора горло глотком вискаря. Как доктор прописал. И провалилась в темный мир как бы готического же сна.

И все ей то ли снилось, то ли вспоминалось что-то, собственно, и то, и другое, так что она не могла одно от другого отличить. Да и не пыталась, просто расслабилась и отдалась воле Морфея. Старый соблазнитель то обмахивал ее крыльями-примарами, то качал на волне длинной-предлинной, то нашепывал в уши словеса сладкие, неизвестные, творя истинное древнее волшебство, и, в конце концов, овладел покорной девой без остатка.

Ей пригрезились времена прошедшие, далекие, которые, как ей казалось, были надежно похоронены в мусорных баках, тех, что позаброшены и позабыты на задворках памяти. В те далекие дни, полные тупой безнадеги, она шаталась по улицам в поисках случайного заработка, бралась за любую работу, которая выпадала не часто, тем и жила. Однако в какой-то момент стало совсем трудно, просто невыносимо, невозможно, невыживаемо. Она совсем растерялась, не знала, что еще можно сделать. Вдруг ей показалось, что из всех возможных осталась открытой и доступной для нее лишь одна найденная другими дорога. Как ей она виделась. Оставалось только заняться обычной женской работой, к которой, к слову, ее давно уже склонял знакомый сутенер Бен. Такая у сутенеров привычка, знакомиться с девушками, входить в их положение, помогать с работой... Но с Беном она была знакома еще по прошлой жизни, в которой остались, сгинув, детство, школа, беззаботность. Она уже шла на встречу с ним, и мир ей казался вырванным и пущенным по ветру черно-белым листом комикса, когда рядом с ней притормозила машина, обычная, но приличная тачка, и высунувшийся из окна бритый налысо тип с седенькими усиками и такой же бородкой о чем-то у нее спросил.

– Что, что!?! – не поняла она, пребывая в предчувствии события, которое уже все равно, что состоялось, и после которого призрачная лестница верх-низ придет в движение вниз. На эту лестницу только встань и подумай о своем, и не заметишь, как она доставит тебя в светлые чертоги или в глубокие стеклянные катакомбы – само движение по ней остается вне восприятия. Собственно, жизнь и состоит из перескакивания на несколько ступеней вверх, на несколько ступеней вниз, но иногда удается прыгнуть сразу в самый низ. Запрыгнуть наверх? Нет, такого она не слыхала.

– Садись, я подвезу тебя, – сказал бритый. Тихий, вкрадчивый голос, шелестящий баритон. О, эта магия звука... Под черным кожаным пиджаком на нем была черная же рубашка без ворота, на пуговке. С изнанки, по обрезу, рубашка была оторочена красным, что позволяла видеть не застегнутая, упомянутая выше пуговица. В тот миг этот красный треугольник отвернутого клапана на его шее был единственным цветным пятном в ее бесцветном мире.

– Мне тут близко, – сказала она, чтобы что-то сказать, но было понятно, что она давно и на все согласна. Было ясно ей, было ясно типу в тачке.

– Туда тебе не надо, – ответил мужчина, который, казалось, знал все ответы на не заданные вопросы.

– Вот как... А выбор у меня есть?

– Нет. Пожалуй, что нет у тебя выбора, – ответил знающий и на вопрос заданный.

Он отвез ее к себе. В конце концов, когда ты молода и красива, у тебя всегда найдется, чем расплатиться за ночлег. Да даже когда ты просто молода. Но Лордиз была красива, поэтому осталась у Филадельфии, как звали бритого, надолго.

Филадельфия же зацепило то, что на момент их встречи Лордиз пребывала в девственности – ни с чем подобным в окружающем его мире Фил до того не сталкивался. Само по себе это обстоятельство подкупало и располагало относиться к партнеру более внимательно. И он, надо отдать ему должное, был к ней внимателен, водил в приличные рестораны, дарил разные мелочи, цветы и вкусняшки. То есть, вел себя по факту как влюбленный, хотя это предположение весьма спорное, поскольку он всегда оставался суровым на лицо, неулыбчивым, и ни о чем таком ни разу не обмолвился и словом. Тем приятней были Лордиз все внешние знаки его внимания. И Фил, надо отдать ему должное, не был жадным, не мелочился. Когда у него водились деньги, он их тратил, со вкусом и с удовольствием. Прежде всего – на свою женщину.

Однажды, расчувствовавшись от очередного щедрого подношения Фила, Лордиз вдруг закружилась по комнате и, неожиданно для самой себя, запела. Во все горло, как и раньше иногда делала – но только если никто не слышал.

Фил, однако, услышал. Он как раз сидел, развалившись в кресле, перекинув ногу за ногу, и, смакуя сигару, прищурившись, добродушно и довольно наблюдал за резвящимся котенком. В смысле – за ней, за его кошечкой. Когда кошечка запела, Фил вынул из угла рта сигару и сказал: – Ну-ка, ну-ка!

Потом он потянулся к стоящей у стены гитаре, дотянулся кончиками пальцев, придвинул ближе, наклонил, взял. И поманил к себе с любопытством за ним наблюдавшую Лордиз: «Иди-ка, киска, сюда!»

Кошечка игриво приблизилась, ей было интересно поучаствовать в новой игре. Но Фил, похоже, вовсе не шутил. Он тронул струны, на мгновение задумался, потом легко сыграл известную мелодию. Его пальцы касались струн нехотя, как старых знакомых, извлекая чистые и точные звуки. Серебряные струны, серебряные звуки.

– Ну-ка, – озадачил он Лордиз, – спой! Сможешь?

Эту вещь она знала и часто пела в одиночестве. В одиночестве, правда, доводилось ей быть не часто, стало быть, и пела редко. Потому и спела, как подобает кошечке – не спела, но промяукала, хоть и чисто вполне.

– Нет-нет! – остался недоволен Фил. – Нет. Спой в полный голос, изо всех сил, как только можешь! Дай себе волю!

– Я стесняюсь... – попробовала увильнуть она.

– Глупости! – пресек попытку саботажа Фил. – Чего стесняться? Спать со мной не стыдишься, а тут – скажите, пожалуйста!

– С тобой я сплю с закрытыми глазами, – прошептала она, чувствуя, как от смущения деревенеют и уходят куда-то на сторону губы.

– Так закрой глаза и пой! – не сдавался он.

– Ты сегодня грубый, – все еще шептала она.

– Это не шутки, – стоял на своем он. – Пой!

Фил снова тронул струны. Лордиз закрыла глаза и, повинувшись ходу мелодии, запела. В полный голос, как могла.

Когда она закончила и открыла глаза, встретила удивленный и одновременно довольный взгляд Фила.

– Вот так, – сказал он, – оказывается – можешь. – Ты где-то училась музыке?

– В музыкальной школе, игре на скрипке...

– А вокалу?

– Никогда.

– Что же ты делала на улице?

– Тебя искала!

– Молодец, молодец... Значит так, детка, я только что нашел тебе работу. Ты довольна? Довольна ли она? Да, черт возьми!

– У меня есть выбор? – по привычке спросила она.

– Нет, детка, – по привычке ответил он. – Только не в этот раз.

До этого момента Лордиз мало интересовалась, чем собственно Фил зарабатывает на жизнь себе и, чего уж тут, ей. Как раз выяснилось, что, очевидно – помимо прочего, неназванного – он занимался еще продюсированием музыкальной группы.

Это была рок-группа, пытавшаяся играть готический рок. Дела у группы шли ни шатко, ни валко, никак, в общем, не шли. И музыканты были хорошие, классные были музыканты, но вот чего-то не хватало, и кроме не слишком частых выступлений во второсортных клубах Филу с ними пока не удавалось добиться ничего. Не шел народ на них, хоть сам выходи и пой.

Видимо, не было в группе той изюминки, которая выделила бы ее из тысяч подобных. И как ни ломал голову Фил, ничего придумать не мог, и уже был он близок к тому, чтобы распустить группу и закрыть проект... Как тут на его счастье и удачу Лордиз спела ему свою песенку.

Вот что значит вовремя сделать женщине хороший подарок!

Той изюминкой, которую искал Фил для своей группы, оказалась Лордиз. Не только ее пение – сама она.

Суровые парни в кожаных прикидах поначалу отнеслись к барышне с розовым бантом в волосах, каковой на тот момент была Лордиз, мягко говоря – настороженно. Но когда по просьбе Фила, задавив смущение в зародыше, Лордиз спела, суровые парни заулыбались, и общая настороженность сменилась без преувеличения всеобщей любовью. С суровыми парнями всегда так – или – или. Но с платицем пришлось распрощаться, и с розовым бантом тоже. Появились кожаные штаны и желетка, руки и другие части тела украсили татуировки и, в конце концов, голова оказалась выбрита, а густые волосы на ней сохранились лишь в резервации толстой косы на затылке. Но все это случилось не сразу, а происходило постепенно, эволюционно, в соответствии с тем, как менялась и сама Лордиз. А она, бесспорно, изменилась, и из неуверенной, трепещущей от свалившихся на нее невзгод девчушки за пару лет превратилась в уверенную в себе женщину. И, между прочим, в знающую себе цену певицу. Конечно, ей было жаль расставаться с образом милой девушки в пользу брутальной, не копящейся долго в кармане в поисках крепкого словца, девицы, но эта перемена была обоснована и оправдана, и потому она слишком не рефлексировала по этому поводу.

С ее появлением дела в группе пошли в гору. Количество выступлений и число зрителей на них неизменно росло. Появились свои фанаты и группа поддержки. Оказалось, что многие приходили на выступления послушать именно ее. Музыка группы становилась все более сложной, песни – все более красивыми. В конце концов, Филу удалось заключить контракт на год выступлений в лучшем клубе города – в легендарной Короне. В общем, все шло как надо, как должно было идти, и приносило радость и другие прелести жизни, но... Но были два обстоятельства, которые с некоторого времени портили ей всю итоговую картину последних лет. Эти обстоятельства, как ни странно, затрагивали самые главные ее стороны – личную и профессиональную.

Как то, месяца за три до описываемых событий, произошла одна очень памятная для нее встреча... Даже месяца за четыре... Чуть больше. Да, дело было в самом конце осени, или в самом начале зимы, точно не припомнить, но наверняка был один из тех очень холодных и очень мокрых вечеров, когда приходится прикладывать много усилий, чтобы казаться беззаботной и жизнерадостной. Хотя, справедливости ради, именно к этому ее никто не принуждал. Целый день шел мелкий ледяной дождь, и с залива задувал нахрапистый беспардонный ветер. Публика в клубе всю согривалась спиртным – единственным доступным для большинства способом. Немногочисленные счастливицы льнули к камину в углу главного зала, и всем им вместе старались помочь повысить градус внутриклубной атмосферы активно работавшие на небольшой сцене музыканты. Выступление развивалось, как надо, зрители принимали артистов благосклонно, многие приплясывали и хором подхватывали припев. И это становилось уже привычным для их выступлений.

После первого отделения Лордиз пробиралась за Филом через зал к столику в углу, за которым они обычно подкреплялись и отдыхали перед тем, как продолжить работу. Неожиданно, где-то на полпути, практически в центре зала Фил остановился. Лордиз не соблюдала дистанцию, не сориентировалась вовремя и уткнулась ему носом в спину. Выглянув из-за него, она увидела и тотчас узнала причину его внеплановой остановки.

За отдельным столиком, развалившись сразу на двух сдвинутых вместе стульях, в накинутом на плечи темно зеленом шерстяном пальто с пелеринкой сидел один из лучших теноров всех времен и народов Александр Драгский, по прозвищу Драга. Под пальто его дородное тело

свободно обтекала вранглеровская рубашка из темного денима, используемая им в качестве артистического блузона. Александр возлежал на стульях, как на диване, широко расставив ноги в блестящих коричневых брогах и уютно сложив руки под животом. Подошвы туфель сияли девственной чистотой, удостоверяя, что их хозяин не ходил пешком по мокрым и грязным улицам. Брюки на нем были неопределенного цвета, темные, шерстяные. Его зеленый, в тон пальто, картуз с коротким тупым козырьком тульей кверху возлежал еще на одном, отдельном стуле.

– Александр Борисович, какая честь, – начал вдруг оправдываться Фил. – Простите, мы не знали, никто не предупредил...

– Да ладно, ерунда все это, – махнул рукой Драгский. И запустил руку по кругу: – Присаживайтесь!

Поскольку Фил занял единственный оставшийся свободный стул, Лордиз присела на тот, где почивал картуз маэстро, который пришлось взять на руки. Она держала головной убор, словно его хозяина самого, испытывая смешанное чувство волнения и стеснения, гордости и желания убежать.

– Вот-вот, молодец, – благословил ее Александр. – Теперь все будут знать, что ты нянчила на руках кепку Драги. Да ты не смущайся, все нормально. Так карьеры и делаются.

Его породистая голова сидела на туловище, как у Хоттея, но, в отличие от китайца, он не был лыс. Роскошные волнистые с проседью длинные волосы были зачесаны назад, за уши, выбивающуюся прядку он постоянно подхватывал рукой, отправляя на место. Казавшиеся узкими за толстыми стеклами очков глаза искрились добродушием, хитростью и весельем, что, очевидно, было верно лишь отчасти. Всем, и не только в мире шоу-бизнеса, было известно, насколько сложен характер у этого человека. Что подтверждало и его лицо гурмана и эстета, широкое лицо с тонкими чертами, утвержденное на мощном двойном подбородке. Словом, рядом с ним девушкам вроде Лордиз следовало помалкивать... что она и делала.

– Ну, порадовала, – ласково закивал Драгский Лордиз, – порадовала... И послушать приятно, и посмотреть...

Лордиз раскраснелась от неожиданного восторга и смущения. Как выяснилось, рано она расслабилась, рано.

– И можно не слушать, а просто смотреть... – продолжал мэтр. – Потому что голос хороший, а поешь ты плохо. Ну, что это за пение? Что ты так надрываешься-то, скажи мне? Что надрываешься?

Лордиз продолжала пунцовать, только настроение ее резко качнулось в обратную сторону. Жгучий обида-стыд брызнул в глаза кипящим маслом, захотелось закрыться и убежать таки.

– Стилистика такая, – ответил за подопечную Фил. – Готика, как-никак.

– Не надо мне рассказывать про готику, – отмахнулся Александр. – Знаю я и про готику, и про все остальное тоже знаю. Надрывать так зачем? При том в каждую пятую ноту не попадая. Не попадаешь ведь, правда? – спросил он Лордиз. – Сама чувствуешь.

Девушка кивнула.

– Чувствую. То есть, иногда – да, не попадаю, но чаще пою так специально, так мы решили. Стилистика...

– О, далась тебе эта стилистика! Не в стилистике дело. Надо чувствовать, что поешь, надо понимать материал, надо быть внутри него, а не снаружи, тогда любая стилистика тебе будет по-фигу. Надо петь, как поют ангелы, а не просто драть глотку.

Напряженное молчание нависло над столом. Драга, судя по всему, с удовлетворением взирал на дело языка своего, тонкие его губы змеились в усмешке. Выдержав паузу значительности, он, не пуская ситуацию на самотек, вновь овладел разговором.

– Да ты не куксись, – снова стал обволакивать словесами он Лордиз. – У меня вовсе не было желания тебя или еще кого обидеть. Но, поверь мне, я говорю правду, потому что, считаю, имею на это право. И говорю для твоей пользы. Поешь ты плохо, но данные у тебя исключительные. У тебя сильный, красивого тембра голос. Я бы даже сказал – редкой силы и красоты. Но надо учиться дальше, надо работать. И тогда ты сможешь стать великой певицей.

– Спасибо, Александр, – пролепетала Лордиз.

– Не за что, – отмахнулся Драга. – Но вот когда пойдешь ко мне учиться, и когда я тебя научу всему, а, поверь мне, я знаю чему и как учить, вот тогда скажешь мне спасибо. И я его приму. С благосклонностью.

И вновь над столом повисло молчание, и снова Драгский удовлетворенно взирал на произведенный им эффект.

– Вы хотите меня учить? – едва дыша, прошептала Лордиз. Большие миндалевидные глаза ее переполнились слезами, которые, уловив огоньки светильников на стенах зала, засверкали на ресницах. – Вы меня...

– ...приглашаю, зову, как угодно, – подхватил ее вопрос и ответил на него Драга. – Не торопись. Подумай. Я не спешу... пока...

– Мы подумаем, – вставил свое слово Фил. Его лицо оставалось невозмутимым, и что он там себе думал, сказать было сложно.

– Вот и подумайте, – благословил их Драгский. – Только не слишком долго, а то, знаете, я человек занятой... Да и цену себе знаю. Да. А вы идите, идите. Вам уже пора, я и так вас задержал.

– И думать забудь, – шепнул ей позже Фил. – Глаз на тебя положил, знаю я. Мастер на все готовенькое. У него таких, как ты каждый месяц по десять штук.

Но она разговор не забыла, и все думала, думала... Как ни верти, но выходило, что все, что сказал тогда Драгский – правда. Она знала это, она не собиралась лукавить перед собой, только не в этот раз, только не в этом. И учиться она хотела, потому, что вдруг осознала, что в пении видит свое будущее, свою судьбу. Она хотела быть певицей. Да и ничего другого, как выяснилось, она не умеет. А учиться у такого мастера, как Александр, об этом можно было лишь мечтать. Приходилось мечтать, довольствоваться мечтами, потому что Фил стоял на своем и был категорически против. Она же помнила, скольким ему обязана, и не знала, как решить вопрос полюбовно. Именно полюбовно. В любви было дело. Потому что, представив себе на минуточку, как уходит от Фила, она вдруг осознала, что любит его и никогда не согласится на такую потерю. Более того, через какое-то время она поняла, что безумно хочет от него ребенка. Ее женские часы сделали ход, механизм провернулся, рычажки зацепились и сдвинулись, и запущенный репетирующий механизм пропел малиновым колокольчиком. Хочу ребенка, хочу, твердила она себе. Фил не особенно заморачивался этим вопросом, но делал, что мог, оказывал посильную регулярную помощь в решении ее проблемы путем создания проблемы для себя. И в этом был весь Фил: то, что составило бы трудность для любого другого, он перешагивал не замечая.

Ничего не получалось у них. Абсолютно ничего.

В общем, все повисло в воздухе, время же, верное лишь своим внутренним принципам, галопировало размашистым аллюром.

Зима неожиданно взяла под козырек и уступила свой пост весне. Все надежды девичьи расцвели с новой силой, и весна, казалось, пришла затем, чтобы их оправдать.

Так лишь казалось.

Странная выпала ночка. Она спала и не спала одновременно. Господин Морфей ей выдал билет в экспресс сновидений, в спальный вагон первого класса, на котором она мчалась сквозь сон, сквозь ночь, сквозь жизнь. В темноте за окном купе проносились ясные и неясные тени, наплывали, вспыхивали и гасли далекие и близкие огоньки, а в матовом темном зеркале стекла всплывали и тонули картины ее жизни, которые она рассматривала, как и положено рассмат-

ривать сновидения, то со стороны, то изнутри, а то отматывая назад и пуская их снова и снова. И сквозь сон она чувствовала, как ширилось и нарастало в ней ощущение тревоги, а экспресс, все ускоряя ход, увлекая ее к неизбежному. И когда тревога переросла в чувство физического воздействия, она закричала. И проснулась от собственного крика, словно от грубого внезапного толчка.

В дверь громко стучали.

* * *

В дверь громко стучали.

В дверь колотили кулаком, игнорируя наличие электрического звонка, а, может быть, разочаровавшись в его способности дозвониться хоть до кого-нибудь. Стучали, судя по всему, давно, и стучавший, надо полагать, стал уже уставать, потому что вдруг дал отдохнуть кулаку и стал пинать дверь ногой, очевидно, пяткой, привалившись к преграде спиной.

Лордиз какое-то время казалось, что она угодила под камнепад, но, наладив, наконец, контакт с реальностью, поняла, в чем дело. И возмутилась. «Что за черт!» – подумала она. «В такую-то рань! Руки-ноги оторвать!»

– Сейчас! Сейчас! – закричала. Или показалось, что закричала, потому, как стук не прекратился.

«Черт, черт! Что за наказание?» – ворчала она, сползая с постели.

– Иду!

Стук прекратился, значит, месседж достиг адресата.

Лордиз натянула халат на голое, звенящее от утреннего восторга тело. По-хорошему, она могла бы проспять еще часа четыре, но по-хорошему не получалось, кого-то нехорошего принесло в эту рань. Она сокрыла голову и царящее в ней хмурое недоброжелательство, накиннув на все вместе капюшон халата. С усилием держа веки в приоткрытом положении, чтоб не одной только ощупью брести к двери, она достигла ее успешно и, распахнув, привалилась к косяку в проеме, сложив руки шлагбаумом на груди.

– Что надо? – спросила не то чтобы ласково. – Что за необходимость таким ранним утром?

За дверью стояли двое, один – повыше и поплечистей, другой, помельче, все выглядывал из-за плеча первого.

– Полиция, мем, – начал первый скороговоркой и махнул перед ее лицом какой-то книжкой. – Надеюсь, не слишком вас побеспокоили? Простите, если что, срочное дело, разрешите войти...

– Нет!

Первый, не слушая ответа, испытанным методом двинулся вперед, напролом, но Лордиз не пошевелилась, стояла со свои шлагбаумом незыблемо. Полицейский почти налетел на нее, но, видя ее неподатливость, вынужден был включить реверс и притормозить. Получилось неловко – для него, – но Лордиз была довольна. Небольшая компенсация за прерванный сон была необходима.

– Нет! – повторила она запрет. – Я не жду гостей.

– Но мы бы хотели задать пару вопросов и осмотреться.

– Задавайте свои вопросы и осматривайтесь оттуда, где стоите.

– Вы разговариваете с полицией, мем.

– Вот именно. У вас есть ордер?

– Нет, но...

– Стойте, где стоите, офицер.

Уж чему-чему, а разговаривать с полицией Фил ее научил. «Помни, что в рамках своих прав ты старше любого полицейского, – говаривал он. – Поэтому, стой на своем и ничего не бойся». Следование этому правилу и принесло ей первую маленькую утреннюю победу. Если бы на этом все и закончилось. Но полицейский продолжил диалог, и ее маленький, но крепкий, как казалось, мир, озаренный той самой маленькой победой, попросту рухнул. Смялся, как пустая банка из-под пива, и завалился набок.

– Хорошо, мем, как пожелаете, – сказал полицейский. И задал свой проклятый вопрос: – Ответьте, мем, здесь ли проживает Филипп Бальцано, и не можем ли мы с ним встретиться?

– Да, нет, – ответила Лордиз, чувствуя, как восторг под халатом рассеивается, освобождая место просто ледяному холоду тревоги. Ее передернуло от озноба.

– Мем? – не понял ответа полицейский.

– Проживает здесь, да, но дома его нет, – пояснила Лордиз.

– А когда вы видели его в последний раз?

– Потрудитесь объяснить, что все-таки происходит.

Потрудился второй полицейский, тот, что помельче. Вынырнул из-за спины первого, дождавшись своего часа, и потрудился на славу. И что ему скажешь? Парень на службе.

– Для начала, мем, – начал парень-на-службе, – ответьте на один вопрос: есть ли у вас мотоцикл?

– Да, есть.

– Какой модели?

– Кафе-рейсер Commando, фирмы Norton, специальный выпуск 2007 года «038 Cafe». Красного цвета.

– Красного, мем?

– Ну... бак серебряный.

– Хорошо. Где вы его оставили, мем?

– Вчера... или уже сегодня... сразу после концерта в Короне, Фил взял его у меня. Куда поехал – не сказал. Больше я ничего не знаю. Что произошло?!

– Пока, мем, мы ничего не можем утверждать. Ваш мотоцикл – судя по всему, это ваш мотоцикл, – был найден на мосту через залив. В исправном состоянии. Шлем был надет на руль, мем. Нам позвонили. Есть свидетель, который утверждает, что видел, как человек, по описанию похожий на Филиппа Бальцано, прыгнул с моста в залив. Тела найдено не было, мем, поэтому мы ничего не утверждаем. Но мы, с вашего позволения, хотели бы осмотреть квартиру, не осталось ли тут чего-нибудь, какой-то записки, объясняющей происшедшее. Мы можем войти, мем?

Утренний восторг был полностью вытеснен, уничтожен утренним ужасом, по-подлому ударившим под дых и под коленки сразу. Освободив проход полицейским, она привалилась спиной к стене и, сжав ворот халата в кулаке, холодном, как пустота, лишь прошептала: «Этого не может быть, не может быть...»

Воспользовавшись временно посетившей ее неспособностью к сопротивлению, полицейские быстро просочились в квартиру и быстро же сделали свое дело: все осмотрели, всюду сунули свои носы, но, видимо, ничего нужного им не нашли. Лордиз молча взирала на их суету, видела и не видела ничего, а в голове, как на заезженном виниле, с шипением воспроизводилась одна и та же фраза: не может быть... чок!.. не может быть... чок!.. не может... Она ничего не понимала, она отказывалась что-либо понимать. Потому что главное понимание свалилось на нее неожиданно-негаданно, когда его никто о том не просил, свалилось вместе с утренним стуком полицейских в ее дверь, в ее сон, в ее жизнь. И понимание это заключалось в том, что вся ее жизнь и судьба были завязаны на Фила, ориентировались на него и от него зависели. И если все окажется действительно так, как представляется, а не дурацкой сатанинской шуткой, плохи тогда ее дела. Тогда она – что лисица, с которой заживо содрали шкурку: шевелиться еще как-

то можно, а вот жить дальше как? Как жить? Что дальше? Она уже чувствовала себя лисицей, с которой содрали шкурку. Еще подумала, что Филу все это, в смысле – полицейские в доме, – не понравилось бы.

– Хорошо, мем, – вернул Лордиз к ее проблемам на грешной земле высокий полицейский, – мы здесь закончили. Еще пару вопросов, мем.

– Валяйте ваши вопросы, – вяло согласилась она. – Ведь вы их все равно зададите, верно?

– Это точно, мем. – осклабился высокий. – Итак, каковы ваши отношения с Филиппом Бальцано?

«Каковы наши отношения!» Ну, как ему объяснить, придурку, какими словами, если за каждым будет сквозить тот сальный смысл, которого в действительности никогда не было? Во всяком случае, с ее стороны.

– Мы вместе живем.

– Сожительство?

– Муж и жена сожительствуют?

– Вы состоите в законном браке?

– В законном – нет.

– Значит – сожительствуете.

– Мне больше нравится выражение: состоять в гражданском браке.

– И давно вы «состоите»?

– Последние несколько лет. Года три-четыре.

– О, приличный срок. И как складывались ваши отношения?

– Нормально. Во всяком случае, ничего такого, что заставило бы его прыгнуть с моста, не было. Да и вообще, прыгнуть с моста – эта история не про него.

– Почему вы так думаете?

– Его легче убить, чем сломить. Да и не было ничего, никаких неприятностей, никаких предпосылок. Ничего. Все, как всегда, совершенно нормально. Нет, не верю я в его прыжок.

– Вам видней, мем. Но, однако же, факты... Чем вы, кстати, сами занимаетесь?

– Я певица, – ответила Лордиз, почувствовав внезапную, до спазма в груди, гордость от сказанного. – Фил продюсирует группу, в которой я пою.

– И как называется группа? Может, я знаю?

– Лордиз. Группа называется Лордиз.

– Но это же...

– Да, мое имя. Таким было общее решение группы.

– Хорошо, мем, спасибо, – удовлетворился высокий. Он еще сделал какие-то пометки в блокноте, хлопнул его и оглянулся на коллегу. – У меня пока все.

– Было бы неплохо, мем, – взял слово второй полицейский, – чтобы вы проехали с нами в участок и опознали мотоцикл. И захватите документы на него.

– Ладно, – устало согласилась Лордиз. Этот проклятый день был в самом начале, и ей, видимо, предстояло проделать сегодня еще много разных неприятных вещей. – Вам придется подождать, пока я оденусь. Видя, что полицейские поудобней располагаются в креслах, она покачала головой. – Нет, господа. Ожидайте меня снаружи, – и – легкий указующий кивок пальца. – За дверью.

Полицейские были явно разочарованы изгнанием из партера, но поднялись и молча вышли вон. Оставшись одна, Лордиз некоторое время отрешенно постояла в центре квартиры, в центре ее мира, каким она его знала еще вчера. Но что-то уже изменилось в нем, что-то было не так. Чужеродность, страх и отчаяние уже высунули свои мордочки изо всех углов, готовые в любую секунду заполнить собой образовавшуюся пустоту. Это еще сон, или другая реальность наступила вместо утра, не спросив разрешения и не предупредив? Что происходит на самом деле? Куда, черт побери, подевался Фил? О том, что с ним случилось непоправи-

мое, она даже не думала. Этого просто не могло быть! А раз не могло быть, что толку об этом думать? Но какая-то ерунда все же происходила, и вот с тем, что происходит, следовало хорошенько разобраться. А кто теперь мог это сделать вместо нее? Никто, обратиться не к кому. Теперь – только сама. Вздохнув почти обреченно, она быстро оделась, и, когда вышла на улицу, полицейские почти не успели заскучать.

В участке все прошло достаточно быстро, просто на удивление. Байк был действительно ее. Шлем Фил оставил на руле, ключ – в замке зажигания. Все документы на байк у нее были в порядке, все экспертизы провели заранее, так что ничто ее там не задерживало. Перед самым отъездом из участка допрашивавший ее высокий полицейский сунул ей свою карточку: «Позвоните, если что». Она, не глядя, сунула картонку в карман и, крутанув ручку газа, унеслась прочь.

Байк, как всегда, повиновался ей беспрекословно, угадывая и предугадывая каждое ее желание, каждое движение. Но внутри нее все клокотало. Ее всю трясло, и с этим тоже надо было что-то делать. «Как бы не сорваться, – думала она, – как бы не сорваться». Столько проблем и непонятки свалилось вдруг на нее, и, чтобы со всем разобраться, очень важно было сохранять спокойствие и трезвую голову. Поэтому, первое, что она сделала, добравшись до дома, это достала заветную травку, набила косячок и закурила.

Лордиз курила травку.

«Я не в затяжку...» – думала она, и – лукавила: пару раз она все-таки как следует затянулась. До умопомрачения, до голубых соплей.

Странными, однако, свойствами обладала травка, странными. Голова поначалу начинала кружиться, наполнялась то ли дымком, то ли туманом, а потом сама в том тумане терялась, просто начисто, сплошной туман и все. Но не надолго. Следом наступала кристальная ясность, и из тумана, из запертого и заговоренного чулана памяти извлекалось то, что больше всего хотелось именно там оставить на вечном хранении.

В этот раз выплыла – с чего бы это? – давно, казалось, забытая история с Соней. Соня, это ее родная, как утверждала мать, младше ее на три года, сестра. Высокая стройная блондинка с тонким нервным лицом. Но, где блондинка, а где я, думала Лордиз. Неплохо было бы порасспросить маму как следует, только о ней и самой уже несколько лет не было ни слуху, ни духу. Ох, во всяком случае, с высокой долей вероятности можно было предположить, что мать у них с Соней одна, потому что иначе все было вообще непонятно. О Соне, кстати, она тоже несколько лет ничего не слышала, но однажды, когда уже они жили с Филом, та вдруг объявилась вновь. Заявилась, как ни в чем не бывало, со словами «здравствуйте, где я тут у вас буду жить?» Нет, нет – без «здравствуйте»! Вот, именно так: где я тут у вас буду жить? Лордиз тогда не нашлась, что ответить, а Фил вдруг занервничал, засуетился. «Да что же ты молчала, что у тебя такая сестра!» Молчала! А что бы он хотел услышать? На тот момент она и сама уже забыла, что у нее есть сестра, и воспоминаний о ней никаких не хранила, потому что никогда, никогда они не жили вместе нормально, всегда не ладили. Наоборот, от Соньки, сколько она помнит, у нее случались одни неприятности. Вплоть до внезапной молочницы на нервной почве. Не о них речь.

Она свалилась на ее голову, как сваливается лотерейный выигрыш на того, кто отродясь не покупал ни одного лотерейного билета: Лордиз просто не поверила своему счастью. Однако в доме не было лишней спальни, на основании чего Лордиз попыталась мягко, но настойчиво выставить Соню за порог. Фил не дал этого сделать. Рыцарь! Сказал, что это не по-родственному, еще что-то сказал, от чего она едва не разрыдалась, и предложил устроить сестренку на диване в гостиной. На том и порешили, тем более что саму Соню такой вариант вполне устраивал. Еще бы! Уже следующей ночью она попыталась затащить к себе на диван Фила. Только Лордиз не такая уж дура, как кому-то, быть может, кажется, отлично знала, что можно

от сестренки ждать. Она, хоть и делала вид, что спит, между тем была начеку, и в критический момент вмешалась.

Был скандал. Была немая сцена и скандал. Скандал был короткий, но бурный. Соня бросилась царапаться, в надежде, должно быть, что Фил придет ей на помощь, но Фил мудро молчал, соблюдая нейтралитет, а Лордиз больше ничего и не было нужно. Она схватила, что под руку попало, кажется, то был Сонькин же сапог, и саданула им ей по уху. А потом вытолкала ту, в чем была, за дверь. Была она практически ни в чем, поэтому следом за ней последовала ее одежонка, все, что удалось впопыхах собрать в кучу, и, завершающим аккордом семейной разборки, прозвучал залп тем же самым сапогом, угодившим сестренке в другое подставленное ею ненароком ухо.

Дверь захлопнулась! Занавес!

До утра они уже не спали, но и не разговаривали.

Ночь тянулась бесконечным тревожным шлейфом, грозя длительным, если не окончательным отчуждением. Не случилось. Едва затеплился рассвет, шлейф утратил темную тяжесть и затрепетал легким газом на бодреньком утреннем ветерке. Фил подошел к ней, ткнулся носом куда-то за ухо и одними губами прошептал: «Прости, малыш. Черт попутал. Никогда больше...» А ее и не надо было долго уговаривать. Потому что основная работа утра – дарить надежду, основная, самая главная работа девушки – обманываться. Разве устоишь, когда оба этих процесса – дарить надежду и обманываться – совпали? Как можно, конечно, нет! Да она особенно и не сопротивлялась, так, подулась немного, а потом они вместе напились кофе и отправились на репетицию, разгонять дурную кровь и злокачественную энергию. Славная, кстати, выдалась тогда репетиция!

А когда поздно вечером вернулись домой, оказалось, что там кто-то до них уже побывал. Подумав, они решили, что то была Соня, правда, откуда у нее оказался ключ от квартиры, так и не выяснили. Вероятней всего, сестрица ее прекрасно умела обходиться без ключей, их отсутствие для нее проблемой не являлось. Соня забрала немногочисленные, еще остававшиеся в доме, ее вещи, а так же прихватила кое-какие другие вещи, которые по какой-то причине посчитала своими, или такими, которые должны впредь принадлежать ей. В качестве компенсации, скажем, за скорый и не запланированный отъезд. В общем, поразмыслив недолго, они решили шума не поднимать. «Пусть, – решили. – Легче откупиться». И благополучно обо всем забыли. Лордиз забыть помогла травка, которую она тогда-то под шумок и стащила у Филадельфии. Маленький пакетик. Маленький. Потому что, если ему можно, почему ей – нет?

А примерно через неделю Филадельфия точно электрическим жгутом ударили. У них был выходной, и он собрался куда-то ехать. «Ненадолго смотаться в одно место» – так он это называл. И не конкретизировал. А она и не настаивала, потому что лично ей было сказано: «Скоро вернусь, и куда-нибудь сходим поразвлечемся. Чтобы была готова». И вдруг случился тот самый электрический удар. Фил носился по квартире, выворачивал на пол ящики, все опрокидывал и пинал подвораживающиеся под ноги стулья. Взгляд его был ужасен, сам он был возбужден и выглядел в высшей степени необычно. В таком состоянии он пребывал примерно с полчаса, потом его то ли осенило, то ли поразило, а скорей всего – и то, и другое сразу. Он вдруг остановился посреди комнаты и со странной звенящей интонацией (со звоном в голосе) произнес: – Соня! И такой то звоночек прозвенел, что Лордиз сжалась и заочно пожалела сестру – какой бы она ни была. Фил же подступился к ней самой.

– Где твоя сестра – блондинка?

– Откуда мне знать, – прикрылась щитом незнания Лордиз. – Ты же в курсе, что мы с ней сто лет не виделись. Понятия не имею, где она. Что случилось-то?

– Так, пропало кое-что. Чужое, не мое, мне лишь на хранение дали, и вот теперь пропало. Я думаю, что это твоя сестренка. Ты ведь не брала? Ничего не брала?

– Ничего не брала, – не моргнув глазом, подтвердила Лордиз.

– Значит, Соня, больше не кому. Ох, лучше бы она этого не делала! Подавится ведь, дура белобрысая, столько ей не съесть. Где ее искать?

– Не знаю. Точно не знаю! Ветра в поле!

– Лучше бы ты знала, поверь мне. Лучше бы ты это знала. Ладно, оставайся здесь, жди меня. Попробую найти твою... родственницу. Это может занять время.

Он поднял с пола куртку, которая свалилась с перевернутого им же стула, и, не сказав больше ни слова, вышел. Потом она услышала, как под окнами заворчал мотор его машины. Свет фар проник сквозь стекла, стек по стене куда-то в угол и исчез. Вечер только начинался, но обещал быть очень долгим. Тревога вновь окутала ее своим саваном.

Фил заявился далеко за полночь.

А ровно в полночь в квартире пробили часы. И ничего не было бы в том удивительного, если бы хотя бы раз до того, хоть однажды в их совместном бытии они поступили бы точно так же. Ничего подобного! Ничего подобного. Они, сколько их помнила Лордиз, всегда тихо висели на стене и в силу возраста кряхтели медным своим механизмом – когда не забывали подтянуть гири. А тут вдруг пробили, нащупав внутри себя неведомые никому струны.

«Недобрый знак, – подумала Лордиз. – Недобрый! Или – добрый?»

В общем, она оставалась в неведении и раздумьях до самого возвращения Фила.

– Расслабься, детка, – войдя, сказал он с улыбочкой, которой, наверное, улыбалась бы сама смерть. Лордиз не понравилась та его улыбочка. Но:

– Расслабься, детка. Все удалось утрясти, – и вновь блеснул той самой улыбочкой, и снова Лордиз стало не по себе. Но решила все же, что знак – тот, от часов, – был добрым. Потому что, с какой стати он должен быть другим?

– Нашел, что пропало? – спросила она. – Соня взяла? Вот какая!

– Вот такая Шая-Вая, – в ответ как-то невпопад продекламировал Фил. – Чундер-Мундер вот такой, там и дырочка большая, и крючочек – ух! – какой!

Лордиз готова была поклясться, что знает эти стишки. Давным-давно, в далеком ее детстве они промелькнули в ее обиходе, но где и при каких обстоятельствах сейчас уже, пожалуй, невозможно было вспомнить. Наверное, как и остальные детские стишки, которые она знала когда-то, они возникли в детстве сами собой, и в детстве же остались, неотъемная его часть, воздух его и естество. Но откуда мог узнать их Фил? И для чего, в конце концов, воспроизвел? Странно как...

А Фил хитро на нее посмотрел, улыбнулся и обнял за плечи.

– Ладно, – сказал. – Перевернули страницу. – С завтрашнего утра – новая жизнь. Завтра же понедельник? Правильный день для любых начинаний.

И никогда больше после того вечера ни историю с Соней, ни детский стишок про Шаю-Ваю он не вспоминал. Лордиз же еще какое-то время волновали эти воспоминания, но потом ей все же удалось запереть их в том чулане, из которого под воздействием травки извлекла теперь. И что теперь со всем этим багажом было делать, она не представляла.

Так сидела она, забравшись в кресло с ногами, курила, вспоминала давнюю историю с Соней, и разные другие истории вспоминала. А потом подумала, что, пожалуй, никогда не знала Фила по-настоящему, наблюдая и любуясь тем образом, который он сам создавал для всех и для нее в том числе. Настоящего Фила она не знала, да и не хотела, видимо, знать, сочинив Фила другого, своего, которого любила и от которого хотела рожать детей. Теперь уже поздно, поздно узнавать... Или нет?

Словом, было над чем задуматься девушке с татуировками.

Она и думала.

А когда голубой туман в голове слегка рассеялся, она придумала, что неплохо было бы встретиться со свидетелем. Ну, с тем, который якобы видел, как Фил сиганул с моста. Интересно, во сколько это было... Да и что он, свидетель, сам там делал? Подумав еще немного, она

достала из кармана куртки карточку и набрала номер. «Вообще-то, это не положено... – ответил высокий полицейский, – Но думаю, что большого нарушения в этом нет. Записывайте...»

* * *

Лордиз набрала полученный у полицейского номер свидетеля. Точней – свидетельницы. Тому, что очевидцем происшествия стала женщина, она как-то даже не удивилась. Наоборот, подумала, что иначе и быть не могло. Фил вел дела с мужчинами, это да, но вся его жизнь каким-то странным образом – да и странным ли? – увивалась и устраивалась вокруг женщин. Фил сам, конечно, об этой грани своего таланта молчал, но, сколько историй ей поведали другие! Лордиз вдруг осознала, что всегда была одной из многих, пусть и находилась по отношению к другим в привилегированном положении, была на полкорпуса впереди всех, поскольку жила с ним вместе, и что ее желание стать единственной для Фила было слишком амбициозным и вряд ли выполнимым. Но это был голос разума. Рацио. Чувства ее не высказывались вслух, но очевидно, что были настроены иначе.

Свидетельницу звали Майя Ангелос.

– Приезжайте, – сказала та бесцветным голосом, как мог бы прозвучать, наверное, автоответчик, если бы формулировал фразы самостоятельно. – Я дома. Адрес у вас есть?

– Есть, я узнала в полиции.

– Хорошо, я вас жду.

«Странно, – подумалось Лордиз. – ни удивления, ни раздражения, ни других эмоций. Словно все так и должно быть».

Солнце приближалось к полудню, когда она оседлала свой байк. Тихий, наполненный первым теплом, прошиваемый пробными трелями вновь задумавшихся о потомстве птиц, прозрачный и трогательный в своей весенней подлинности день предполагал другие заботы и вел с населением неспешный разговор совсем на другие темы, чем те, что волновали Лордиз. Но что уж тут поделаешь, что есть, то есть, не мы выбираем несчастья, что сваливаются нам на голову, поэтому – не раздражайте своими птичками и прочими букашками. А если уж имели наглость втянуть во все это, имейте и соответствующее понимание, и не мешайте!

Лордиз почувствовала, как ее захлестывает поднимающееся раздражение – на все, на всех! – и, чтобы дать ему выход, выжала полный газ. Кафе-рейсер взметнулся, как крылатый конь, и только что не заржал. Она отпустила удила, она дала ему волю, и конь понес. Сама же даже не стала надевать на голову шлем, укрепив его на сгибе локтя левой руки. Встречный поток воздуха омывал лицо, студень, будто родниковая вода, очищая и вымывая из сознания остатки наведенных иллюзий и миражей. Ее коса развивалась по ветру горизонтально поверхности, и по ней стекали и, срываясь, уносились в пространство прочь осколки сюрреалистических жидких зеркал и кривых линз. Сознание приобретало ясность кристалла, оставалось уяснить его магические свойства. Ох, после травки так сразу в норму не придешь, как ни старайся.

Майя Ангелос жила у черта на куличках, на другом конце города, на самой окраине. Но Лордиз домчала туда на удивление быстро, без задержек и каких-либо происшествий. Даже полицейских за всю дорогу она встретила лишь однажды, да и те не обратили на нее никакого внимания. «Чудо, просто чудо! – думала она. – Вот всегда бы так! Ведь можете, когда желаете». Она все еще вела свой внутренний диалог с теми, неведомыми и неназванными силами, что в реальности ответственны за все, что случается и происходит на этом свете.

По требуемому ей адресу располагалось сразу несколько пятиэтажек желто-песочного цвета, обветренных, как дюны. Дома стояли таким себе каре, замыкая внутри себя пространство внутреннего двора, мощенного грубо обработанным камнем, тоже желтым. Посредине двора располагалась детская площадка, песочница и пара конструкций непонятного смысла. Детей на площадке не было, вообще двор был пуст и казался заброшенным. Хотя по виду это

было типичное жилье для бедноты, гастарбайтеров, эмигрантов и подобных слоев населения, всегда многодетных и шумных. Но в этот раз здесь было на удивление пусто и тихо.

Лордиз въехала прямо во двор и оставила байк возле детской площадки. Подумав, шлем взяла с собой, все так же храня его на сгибе левой руки. Мало ли!

По фасадам домов со стороны внутреннего двора шли открытые галереи, на которые выходили двери квартир. Она определила нужный номер дома и поднялась на третий этаж. Со стороны левой лестницы шестая квартира, значит, с правой стороны – седьмая. Деревянная дверь естественной фактуры с матовым рифленным стеклом вместо верхней филенки. На двери приколотый кнопкой лист бумаги с написанным от руки, словно впопыхах именем: Майя Ангелос. Лордиз постучала. Когда собиралась постучать повторно, на стекло с той стороны наплыл тенью силуэт, и дверь отворилась.

За дверью оказалась невысокая миловидная женщина. Миниатюрная, молодая, точней возраста не определишь. У Майи были прямые, до плеч, разделенные на пробор, слегка взъерошенные волосы цвета воронового крыла – или хвоста, что кому ближе. Узкое лицо с тонким прямым носом, бледные сжатые губы. Изящные нервные белые руки на фоне черного платья парили, как гротески. В общем, чем-то похожа на черненькую из Баккары, если кто в курсе. Глаза вроде карие, но определенно сказать нельзя, и упорный до неприличия, пристальный взгляд.

Увидев гостью, Майя, не спрашивая, словно была совершенно уверена, да просто знала, что перед ней, кивнула и посторонилась, пропустив Лордиз в комнату.

Войдя, Лордиз быстро огляделась.

Это была крохотная квартирка, «микроквартира», как определила ее для себя гостья. Налево за дверью, видимо, «удобства», направо проход в крошечную же кухоньку. За коридором в два шага небольшая, метров двадцати комната. Очень светлая, хоть и с низким потолком. Светом помещение накачивалось через огромное окно во всю противоположную входу стену, лишь по бокам слегка прикрытое легкими тюлевыми занавесками. За окном на дымчатом горизонте ярким клочком синело море. Стены и потолок были оклеены одинаковыми обоями, светло-желтыми с легким кремовым узором. Шнур к дешевой люстре в центре потолка шел поверх обоев. В комнате определялись еще стол у окна, диван у стены, телевизор на стене напротив дивана, и стенной шкаф справа перед кухней. Никаких других вещей, кроме перечисленных, в квартире не было, ни посуды, ни какой-либо мелкой дребедени, сувениров, фотографий или одежды. Только на вешалке в коридоре висел плащ из странной серебряной ткани. Все! Складывалось полное впечатление, что в квартире не жили. И Лордиз почему-то была уверена, что так оно и было. Ей сделалось не по себе, но отступить уже было поздно.

Почувствовав пристальный, в упор, словно приставленный к спине ствол, взгляд, Лордиз быстро оглянулась, но оказалось, что хозяйка возится с замком и на нее не глядит. И вот же, не глядит, а взгляд ощущается! О, как все это ей не понравилось! Нервно передернув плечами, она подошла к окну и посмотрела вниз, на улицу.

Редкие машины проносились по загородному шоссе в обе стороны, какой-то мальчишка тянул за собой на поводке фокстерьера, уснувшая белым пузырем торговка возле тележки с газировкой – все, как обычно. Там, снаружи, все было, как обычно, необычность и потому тревога ощущалась здесь, внутри.

Послышались легкие шаги, даже не слышались, а так, прозвучали намеком, Лордиз обернулась. В комнату из прихожей прошла Майя.

– Итак, чем могу вам помочь? – спросила она.

– А вы уверены, что знаете, с кем разговариваете? – в свою очередь попробовала смутить хозяйку вопросом Лордиз. Не получилось.

– Конечно! – Майя была категорична. – Вы же городская знаменитость. Вас в этом городе все знают. Ну и, кроме вас, я никого не жду.

– Погодите, – не поняла Лордиз. – вы хотите сказать, что когда я звонила вам, чтобы договориться о встрече, вы уже тогда знали, с кем разговариваете?

– Именно так...

– Но ведь я, помнится, не представилась?

– В этом не было необходимости, – улыбнулась Майя. – Я ждала вас. Собственно, я знала, что вы придете. Именно вы.

– Бред какой-то! – возмутилась Лордиз.

– Никакой не бред, – отмела обвинение хозяйка квартиры. – Все последовательно и логично. Ведь вы хотите узнать, что произошло с вашим Филиппом?

– С моим Филиппом, да, хочу, от этого мне не отпереться. За тем и пришла.

– Вот видите! А единственный свидетель – я! Следовательно, вам нужна я. Вас я и жду, потому что вы, в свою очередь, нужны мне. Такая вот обратная связь: я – вам, вы – мне.

– Я-то вам зачем? – совсем, просто совсем уже засомневалась в происходящем Лордиз. Эта словесная игра была слишком сложна для нее, и она, похоже, запуталась. – Хотите, чтобы я для вас спела? Прямо здесь? Ничего другого я, конечно, не умею, но и этого делать не буду. Я хочу знать, что вы делали там, на мосту, и что там вообще произошло?

– Вы мыслите в верном направлении, как говорят товарищи... некоторые товарищи. Но спеть – это потом, даст Бог. Что до ваших вопросов и вашего – законного – желания знать правду... Для начала я могла бы устроить вам встречу с вашим Филиппом, пусть бы он сам вам рассказал, что с ним произошло. Рассказ из первых уст. Желаете?

– Вы что, с ума сошли? – не выдержала Лордиз. – Что вы тут, понимаете, гоните? Фил с моста прыгнул, не забыли? Где вы хотите мне с ним встречу устроить? На дне залива? Или на том свете?

– Чем же тот свет хуже этого? – снисходительно улыбнулась Майя, покривив в улыбке свои тонкие бледные губы. – Такая же реальность, если разобраться. Вы успокойтесь. Я даю вам полную гарантию безопасности. Двести процентов.

В следующее мгновение Майя изобразила на своем фарфоровом личике уже ослепительную лучезарную улыбку в полные тридцать два зуба. Подкупающую улыбку, и располагающую. Лордиз вдруг совершенно ясно поняла, что человек перед ней играет какую-то роль, а может и не одну, и, не пытаясь себя сдерживать, окончательно взорвалась.

– Что вы улыбаетесь! – закричала она. – Вы понимаете, что у меня беда? Горе! И я всего лишь хочу узнать у вас обстоятельства произошедшего. А вы балаган устроили! Ну, если вам нечего сказать конкретно, я, пожалуй, пойду.

Майя сократила улыбку до приемлемого размера, но улыбаться не перестала.

– Да не волнуйтесь вы так, – сказала она миролюбиво. – Мне пока действительно нечего добавить к тому, что вам уже известно. Но, повторюсь, я могу устроить вам встречу с Филиппом. Это вполне реально, это гораздо реальней, чем вы можете себе вообразить. А вот он там мог бы вам много чего порассказать. И, открою секрет, у вас даже будет возможность попытаться вернуть его обратно. Если, конечно, захотите сами.

– Вы все шутите? Издеваетесь? – стояла на своем Лордиз.

– Ну, зачем же... Все серьезно. Более чем.

– А, скажем, могу я просто уйти отсюда? Взять, и уйти?

– Вас никто не удерживает. Но тогда ваши вопросы останутся без ответа.

– Ничего, переживу. Адыю! Всего хорошего!

Лордиз стремительно прошла мимо Майи, ощутив вокруг той концентрацию запахов озона и – более слабого – флердоранжа. Хозяйка слегка посторонилась, пропуская ее. А когда Лордиз уже взялась за ручку двери, она словно тихим войлочным поршнем вдавила ей в спину слова:

– Ах, какая Шая-Вая,

Шундер-Мундер – ух! – какой...

Ничего себе – тихий поршень!

Лордиз словно пригвоздили к двери копьём, она просто в реальности ощутила, как смертельное стальное жало с хрустом рассекает плоть и врезается в дерево. Она оцепенела, не могла пошевелиться. Чувство уязвимости и незащищенности ознобом выгнуло спину и протекло на грудь, так что она почувствовала, как вымерзли и затвердели, сделавшись звонкими и отдельными, словно два ореха, соски.

Услышанное поразило ее всю совершенно, и не только неожиданностью. Было в сказанном, и в том, как оно было произнесено, нечто, чего она еще не понимала, и что потому пугало ее. «Этого не может быть! – думала она. – Не может. И это не может быть случайностью. Но откуда, откуда она-то знает? Она ведь не могла залезть в мою голову, в мою душу, чтобы узнать эти слова. Так что же, выходит, Фил? Сам? Только он мог ей сказать». А когда оцепенение отпустило, она, несмотря на все еще пронзавшую ее сарису, от двери вернулась обратно и остановилась рядом с Майей.

– Что такое вы тут сейчас сказали? – спросила она твердо, с вызовом. – Повторите.

Майя выдержала ее взгляд, однако, улыбаться перестала. Очевидно, что время шуток и улыбочек прошло.

– Зачем же повторять, вы все прекрасно расслышали и поняли, – ответила она так же твердо. – Назовем это паролем, специальными кодовыми словами. И я их сказала для того, чтобы вы перестали думать, что я шучу. Все совершенно и очень серьезно. Я повторяю свое предложение: хотите ли вы встретиться с Филиппом Бальцано? Да или нет?

– Вот так просто? Раз – и я уже на том свете? Я, конечно же, переживаю, и... И страдаю, да. Но я не самоубийца.

– О Господи, мой Господи! Твоя воля! – начала терять терпение Майя. – Я сколько раз уже объясняла, что вам лично ничего не грозит. Полная гарантия, даю слово! Но вы имейте в виду, что это единственная ваша возможность встретиться с Филиппом, тем более единственный шанс вернуть его обратно – с того света на этот. Решайте, и побыстрей!

Копье из спины Лордиз кто-то выдернул властной и сильной рукой. Боли не было, она обмякла, и почувствовала, как по позвоночнику стекла к пояснице горячая, не обильная струйка. Вялое, не сопротивляющееся тело пропиталось слабостью на грани обморока. Грудь никак не могла наполниться, легким не хватало воздуха. Пространство вокруг насытилось светлой рябью и все усиливающимся запахом флердоранжа. Но уже через мгновение она вновь смогла собрать воедино разбежавшиеся было в панике мысли и чувства, пролистнула в памяти последние несколько лет жизни, выделила лучшие моменты – не много, но ведь были, – за которые ее, жизнь, и следовало помнить. Она не думала об опасности или о чем-то таком, только о будущей жизни. И в той, будущей жизни она видела себя рядом с Филом, и не принимала другой возможности. Еще она честно всмотрелась в свою к Филу любовь, всколыхнув душу, как стакан с зельем, и, не теряя твердости, хоть и прекрасно понимая, что она – лишь видимость, спросила:

– А у меня есть выбор?

– Конечно, – живо откликнулась Майя. – Выбор есть, как и всегда. Надеюсь, что ты не станешь на нем настаивать.

В ее голосе, в интонации прозвучал намек на некие вынесенные за скобки обстоятельства, которые уж лучше в скобки не вносить. И маячили за теми обстоятельствами и серьезные угрозы, и возможные неудобства, и неприятности, и все это создавало, конечно, дополнительное давление на психику, но, как ни странно, отсутствие необходимости делать выбор приносило существенное облегчение. Ну, типа: кто кашу заварил, тот пусть и расхлебывает, какой спрос с меня?

– Что от меня требуется? – полюбопытствовала она с довольно кислой миной.

– Только твое искреннее желание и добровольное согласие. Ты можешь попасть туда – сегодня – только добровольно, – отвечала маленькая женщина с волосами цвета воронового пера. Она перешла на ты, и этот ход казался естественным и не вызывал протеста.

– Я согласна. Присягаюсь, – глаза Лордиз полыхнули темной силой решимости. Она не могла сравнивать, но глаза ее и Майи в этот миг были очень схожи, и цветом, и выражением. Только, в глазах хозяйки квартиры исподволь, как в топке, начинал отсвечивать раздуваемый тайным ветром темный жар глубин.

– Умница, – сказала она, и легко прикоснулась к руке Лордиз. – Главное – не волнуйся. Тебе нечего бояться. Просто доверься мне.

– Ладно уж, – криво улыбнулась Лордиз. – Я спокойна, как всякий, выпрыгнувший из самолета без парашюта. Чего теперь волноваться? Жду приземления.

– Молодец. Если ты продолжаешь шутить, я за тебя спокойна.

Майя прошла в коридор и, сняв с вешалки плащ, накинула его на себя. И преобразилась. О, без сомнения, это был необыкновенный, волшебный плащ. Из экзотической ткани, легкой, похожей на шелк, но лишенной и намека на легковесность. Его поверхность переливалась, и напоминала одновременно и темное и светлое серебро. Майя накинула капюшон плаща – и исчезла. Да, собственно, так и произошло, потому что вместо нее явился изумленной Лордиз некто со строгим и прекрасным лицом, равно близкий и женскому, и мужскому идеалу, и лишь отдаленно напоминающий прежнюю Майю.

– Ты кто? – запинаясь, с трудом пропихнула сквозь пересохшие губы вопрос наша певица.

– Я – Посланник.

– Ты – Ангел Смерти?

– Что ты! Ангела Смерти ты увидишь единственный раз, в свой черед, и он еще не наступил.

– Утешила, – все еще бодрилась Лордиз. – Но Майя Ангелос?

– Все просто: ангелос и значит посланник, а майя... это мираж, обман, прости за него, он был вынужденным. Зови меня Малах, я – Ангел, посланник по особым поручениям. И я был послан за тобой.

– Кем послан? Зачем? Ох, я попала!

– Не дрейфь, подруга. У тебя все гарантии, и на более высоком уровне, чем мой. Кроме того, ты мне нравишься, правда, поэтому обещаю, что лично прослежу, чтобы с тобой все было в порядке.

– Спасибо, конечно, но как на все посмотрят на более высоком уровне? И... Что это за уровень, как он высок? – тут Лордиз опустила до самого тихого шепота, так что слова можно было разобрать, только следя за опадающими с сухих губ чешуйками.

– Всею свое время, дорогая, все узнаешь, потерпи.

– Ох, мама. Ладно, нам долго... перемещаться?

– Мы уже там. Дай руку.

У Лордиз едва хватило сил, чтобы приподнять холодеющую десницу. Посланник подхватил ее своей невесомой рукой, и словно подключил тело Лордиз к источнику тепла и энергии, заодно напитав саму ее уверенностью.

Пространство вокруг них выделилось небольшим объемом, границы которого, оставаясь светлыми, сделались матовыми, словно шлифованный металл. А когда стенки их локальной пространственной капсулы стали вновь прозрачными, вокруг них простирался совсем другой мир.

Судя по всему, это был уже Тот свет.

* * *

Да, судя по всему, это был уже Тот Свет.

Тот Свет – не Этот, разница есть, и ее вполне можно почувствовать. Но, конечно же, он ничем не хуже – ни, Боже мой! Все дело в привычке... А пока привычки нет, пока еще не пообвыкся – тяжело. Лордиз сполна испытала ту тяжесть на себе.

Пространство, ее окружавшее, было сумрачным и сумеречным.

Свет разливался повсюду, но в то же время не было единого источника, какого-нибудь фонаря или светила, как в нашем мире, поэтому света, казалось, не хватало. Лордиз это сразу напомнило поздние летние сумерки, пору, когда солнце уже спряталось за горизонт и не дает прямых лучей, но атмосфера еще искрится энергией дневного буйства и светится как бы сама собой. И, опять же, здесь была своя особенность, которая заключалась в том, что окружавший сумрак словно обладал вещественностью, реальной плотностью реального материала, и не пропускал взгляд дальше нескольких десятков метров. В сочетании с тем, что ступать приходилось по лишенной каких-либо внятных очертаний и примет клубящейся изменчивой субстанции, того и гляди могущей растаять под ногами, все это существенно затрудняло возможность ориентироваться на местности.

На том, что можно было назвать местностью.

Местностью в точке своего проникновения на Тот свет Лордиз поневоле должна была назвать непривычного вида площадь – большое плоское пространство, окруженное серо-темными громадами. Именно на этой площади оказались они с Малахом, когда вновь исчезли вокруг них матовые металлические стенки капсулы перемещения.

Посреди площади, к удивлению Лордиз, находился настоящий фонтан. Коленопреклоненная, покрытая плотным саваном, словно толстым слоем паутины, фигура посреди фонтана лила воду из кувшина в обширную чашу. Оттуда, переполняя чашу, вода стекала в простой, круглой формы бассейн.

– Смотри, не вздумай пить отсюда, – предупредил ее Малах. – Это Вода Забвения.

– Неужели та самая? – легкомысленно полюбопытствовала Лордиз.

– Та самая и есть. А что ты о ней знаешь? – странно подозрительно отреагировал Посланик.

– Да так, слышала что-то... Не помню! – отмахнулась она.

– Не пей, ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах, – вновь был категоричен Малах.

– Не буду, – пообещала девушка вслух. Да пить ей и не хотелось.

«Начались чудеса», – подумала она.

Воздух вокруг был таким же, как и в земном, в том мире. Он наполнял легкие, позволяя дышать, он обтекал связки, позволяя говорить, он передавал колебания, помогая услышать сказанное. Но он совершенно был лишен запахов и имел странный привкус, понять и определить который сразу не удавалось. Да и некогда было поразмышлять над этой загадкой.

– Ну, вот нас и встречают, – сообщил Малах.

Лордиз покрутила головой, но никого не заметила, видимо, способность ангела видеть в этом мире была значительно выше. А может быть, то было чувство особого рода? Она не знала.

– Да вот же, справа, – направил ее поиски Малах. – Темный Хранитель. Это он вытребовав тебя сюда. Именно с ним тебе придется иметь дело.

Лордиз взглянула в указанном направлении. Ей вдруг сделалось не по себе, она зябко передернула плечами.

– Не нервничай, – посоветовал ангел.

– Я в норме, – отмахнулась девушка. Хотя, если по-честному, ей прилично так было стремно. Но она решила не подавать вида. Что уж теперь дрожать? Не следовало вообще очертя голову соваться в это пекло. А уж если сунулась – держись, девка.

Справа к ним приближалась огромная, в разы превосходящая их с Малахом, фигура, за которой в облаке мрака следовала немногочисленная, но сплоченная свита.

Темный Хранитель, летящий первым, был хорошо виден, словно подсвеченный снизу прожектором. Он был облачен в развивающийся по воздуху такой же, как у Малаха серебряный плащ. Но, казалось, его плащ был более темным, из более тяжелого серебра, чем у Посланника. Когда процессия, приблизившись, утвердилась рядом и над ними, а принесенный ими с собой мрак опал, словно придорожная пыль, стало видно, что сопровождавшие Главного ангелы были в таких же плащах, что и он: все в темном серебре. «Мода, что ль такая у них? Или это униформа?» – подумала Лордиз.

Приблизившись еще по тверди, Темный Хранитель остановился почти вплотную и, скрепив руки на груди, стал молча взирать на Лордиз с высоты своего роста и величия. Ей вскоре надоело смотреть вверх, что было неудобно, затекала шея, и вообще, поэтому она оглянулась на Посланника и спросила:

– Что, мы так и будем стоять, задравши голову?

Малах со вздохом закатил глаза и быстро постарался отдалиться. Ему это удалось. Он отодвинулся, переместился подальше, не совершив никаких видимых движений, предусмотрительно установив между собой и Лордиз достаточно большую, приличную, по его разумению, дистанцию, которая позволяла ему не нести ответственности за ее слова и поступки.

– Ха! – сказал Темный Хранитель и хлопнул в ладоши.

Воздух сотрясся, картинка побежала разводами и рябью, задрожала и через мгновение съезжилась. И сам Хранитель, и его свита уменьшились до приемлемых размеров, хотя все же и остались на голову выше Лордиз. «Подавляют чудесами», – снова подумала она про себя, и даже чуточку обрадовалась грядущим невероятностям, забыв на время, для чего согласилась на путешествие на Тот Свет. Ей все казалось, что вот-вот начнутся настоящие чудеса, что прямо сейчас станет еще чудесатее, просто по-настоящему чудесно, и она ждала и жаждала начала представления. И так ей хотелось в тот миг чудес, что даже какая-то, сохранившаяся с самого детства жилка в глубине ее души, как завелась, так все подрагивала и подрагивала...

– Ха! – повторил Хранитель. – А ты ничего держишься, не то, что некоторые другие. Молодец! Такая ты нам и нужна.

– Спасибо, конечно, – отвечала Лордиз скромно, – но мне не с чем сравнивать, я здесь впервые. Приходится держаться приличий.

– Ну, будем считать, что да, ты тут впервые. В таком своем качестве – точно впервые. Поэтому представлюсь сам. Тем более что никто и не додумается нас познакомиться.

Он обвел присутствующих взглядом широко распахнутых, полных веселой спеси глаз цвета черного золота. Высокий статный красавец с густыми волосами, он мог бы пройти кастинг на роль Петра Первого, но Лордиз он сразу напомнил одного эстрадного персонажа, тезку ее Фила. Тот был забавным, хоть временами и буйным, так что этого она тоже не убоялась, хотя некоторые опасения и оставила про себя.

– Итак, – сказал красавец, – я – Симеон. Симеон 001, если быть точным. А это, – он кивнул за плечо, – мои братья. Младшие. Мы все, числом двадцать, – Хранители Адского Пламени. Ну, а я, как ты уже поняла, над всеми старший.

Он поискал глазами Посланника, тот поспешно проявил себя рядом, совершив поклон.

– Куда ты все время пропадаешь? – полюбопытствовал Симеон. И полюбопытствовал еще: – Как все прошло? Как добрались?

– Она согласилась добровольно, – доложил Малах. Он поднял голову и тряхнул волосами. Румянца на его щеках не возникло, но было видно, что он в полной мере горд собой. – Она сказала «Да!» И вот мы здесь. Это было не трудно.

– Не трудно, да, – заулыбался Симеон. – Но ведь теперь мне придется тебя наградить? Не так ли?

Посланник склонил голову с видом глубочайшего согласия и такого же почтения.

– Но ты ей ничего не рассказывал по существу?

– Нет, Хранитель.

– Хорошо, тогда я сам. Все сам, все сам...

Он обвел взглядом молчаливую свою свиту, как бы укоряя ее за то, что ему, их повелителю, приходится работать больше всех. Это была такая игра в повелителя и его двор, но Лордиз, конечно, не могла сразу понять, насколько это игра, во всяком случае, как ей показалось, никто особенно не напрягался, и было весело.

Такое себе веселье, не на кладбище, но рядом, когда оно – за забором, и вход открыт.

– Хорошо, – еще раз повторил Симеон. Он снова выделил Лордиз своим вниманием из окружающего пространства, причем ей показалось, что он взял ее, словно маленькую девочку, за плечи и поставил перед собой на табуретку, чтобы было удобней на нее смотреть и с ней разговаривать. Он и разглядывал ее в течение некоторого времени. Его густые взлет брови, прямой, с горбинкой нос и словно выточенный из слоновьего бивня упрямый подбородок выдавали в нем орла. И среди ангелов бывают орлы, а бывают не орлы... или орлы, но не такие. В общем, Симеон был Орлом с самой заглавной буквы. Черное золото его глаз кипело и разбрызгивало искры. Он был чертовски хорош собой, и знал это, но при этом старался делать вид, что не красота главное его достоинство. Эпитет «чертовски» удивительно точно подходил к нему, так что хотелось все время его употреблять. Да он и сам пользовался им постоянно.

Он поедал Лордиз глазами, как поедал бы любую другую, оказавшуюся на ее месте, но певица была не в том состоянии, чтобы включиться в его игру, поэтому он решил не расточаться понапрасну, и перешел к делу.

– Итак, девочка моя, слушай меня внимательно. Слушай и запоминай, чтобы не пришлось повторять еще раз. Чертовски не хотелось бы повторять еще раз. Место, в котором ты оказалась и сейчас находишься, называется Ад. Ну, конечно, Ад большой, много больше, чем ты можешь себе вообразить. Ад, понимаешь ли, он везде. Где надо – там и ад. Здесь же, если можно так выразиться, его административный центр, столица, в которой мы с братьями пребываем постоянно, и где храним Огонь. Но не это нас сейчас интересует. Важно то, что ты оказалась здесь не случайно, не просто так. Ты нам нужна, не скрою, нужна в своем профессиональном качестве, как певица, и мы готовы предложить тебе выгодную сделку.

– Какую сделку? – вклинулась в его рассказ со своим удивлением Лордиз.

– А вот послушай, какую, – остановил ее словами и жестом десницы Хранитель. – Ммм... Пожалуй, придется обрисовать тебе ситуацию чуть более широко. Мы, как ты успела заметить, здесь живем. И жизнь здесь, в принципе, такая же, как и у вас на Земле, со своими заботами и со своими развлечениями. Все то же самое, но по-другому, на другом, что ли, уровне и, самое главное, времени как такового здесь нет. У нас тут настоящая зона безвременья. Точней говоря, время есть и здесь, но в ином качестве, оно разбросано там и там настоящими материальными сгустками, которые можно собрать в карман или в мешок. Про запас. У времени здесь иное агрегатное состояние. У вас оно текучее и ускользящее, у нас неподвижное и застывшее. Мы живем в вечности, которую, как сама понимаешь, надо как-то коротать. Но все это сложно, и к делу не относится. Что же непосредственно касается тебя – это наши развлечения, которые скрашивают наши бесконечные будни. Их не много, даже очень не много. По сути одно и есть. Это певческий конкурс. Вокалдром, как мы его называем. Конкурс происходит между нами, темными Хранителями Адского пламени, и представителями команды светлых, Хранителями Райских Куш. Ситуация здесь такова. Конкурс проводится с незапамятных времен. Бесчисленное число раз он проходил, и ни разу, ни разу нам не удалось победить. И это уже не смешно! Эту тенденцию надо переломить и сломать! Это принципиально! Потому что у нас есть свое самолюбие, и мы хотим победить. Не посрамить соперника, но удивить его и – выиграть. Но вот в чем фокус. Мы все здесь, – он обвел и объединил взглядом присутствующих –

пробовали свои силы уже по многу раз. И все без толку. У них там, в Раю, певцы покруче, надо признать честно. Вот и крайний раз, схлестнулись мы со Светлым Смотрителем Райских куц... В неформальной обстановке... В эзотерической сауне... С нашей стороны пел Ангел Смерти, но... Не дотянул. Или – не вытянул. Хоть и перепугал вокруг всю нечисть до смерти – на победу не напел. В плюсе только то, что наш инструментал был лучше. Играли на специальных музыкальных косах, рубили, можно сказать, металл, ага. Но вокал! Вокал снова у них был лучшим.

Его лицо выражало неподдельное разочарование, и если не страдание, то глубокое и искреннее переживание. И следом оно озарилось рассветным лучом надежды.

– Ближе к теме, – окоротил он себя. – Скоро реванш. И мы выставим тебя!

– Меня?

– Тебя, детка, тебя. Если ты не откажешься. А ты, думаю, не откажешься.

– Но как же я смогу?

– Сможешь, верим в тебя. Мы, собственно, давно за тобой наблюдали, и пришли к выводу, что ты нам подходишь. По стилю, и, если хочешь, по духу. По драйву. Готика – самое то, что нужно. Ты должна докричаться до Неба. Пусть тебя услышат и взглянут благосклонно. Тем более что правилами это не запрещается. Нет таких правил, которые бы запрещали приглашать легионеров. А я тебе официальный статус присвою – на время, – скажем, назначу тебя на должность Советника по вокалу. А с такой должности тебе прямая дорога на Вокалдром. Что скажешь?

И он весело потрянул кудряшками.

Лордиз хорошо помнила, что в самом начале его речи у него были вовсе не кудри, а вполне себе прямые, хоть и густые волосы. Она ничего не сказала в ответ. Ей захотелось сейчас же сесть, просто ослабили ноги, и если бы она стояла на табурете, она бы на него и села. А так она села на то, что клубилось у нее под ногами, обняла их руками и уткнула в колени нос – это была ее любимая поза. Хорошо бы было спрятаться, укрыться, уйти, заслониться, но что толку думать о невозможном? Она, конечно, ожидала чудес, но совсем не таких. И что теперь ей делать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.